

Цинь Жунши, очень поддерживая его, спросил:

— Что за новая еда?

Лю Гуюй:

— Ты сперва заходи!

Цинь Жунши кивнул, но не сразу поднял ногу, а сдвинулся на полшага в сторону, пропуская Чэнь Саньси вперёд.

Пришедший - гость, такие правила приличия он всё же понимал.

Двое один за другим вошли в дом и как раз увидели, что очень занятая Цинь Баньбань стоит перед очагом и возится неизвестно с чем.

— Брат Лю, это уже прожарилось?

Лю Гуюй бросил взгляд и кивнул:

— Готово, готово, вынимай.

Цинь Жунши подошёл посмотреть и увидел, что на тарелке лежит несколько красных колбасок, надрезанных цветком: их обжарили в масле до румяной хрустящей корочки, и на поверхности образовалась плотная оболочка. Рядом в маленьких мисках стояли два разных соуса для макания; один на вид был краснее - туда добавили перца чили. С другой стороны стояла ещё одна тарелка, а в ней лежало несколько свёрнутых кусков теста, проткнутых бамбуковыми шпажками. Их тоже обжарили и подпекли в масле, поверхность вздулась и стала хрустяще-поджаристой, а внутри ещё была начинка. Цинь Жунши не мог разобрать, что именно туда завернули, только видел, как наружу высыпалось немало зелёного лука, смазанного острым маслом, и упало на тарелку.

Лю Гуюй сказал:

— Это жареные крахмальные колбаски и жареные бататовые лепёшки. Попробуйте.

Сказав это, он обмакнул две крахмальные колбаски в острый соус и раздал каждому по одной.

Эти крахмальные колбаски были не совсем такими, какие Лю Гуюй ел в современности. Поскольку форму им придавали с помощью свиных кишок, они были немного толще современных крахмальных колбасок, а длина, соответственно, сократилась. В общем вес был

примерно такой же, просто длина и толщина отличались, цвет тоже был краснее, ближе к мясному.

Крахмальная колбаска только что вышла из котла с маслом и была ещё горячей. Снаружи её покрывала оболочка, уже прожаренная до трещинок и завитков, с булькающими масляными пузырьками. Цвет был ярко-красным, сверху липли острое масло и перцовый порошок, и пахла она особенно ароматно.

Цинь Жунши откусил. Зубы сомкнулись, и тут же раздался хруст - это раскусилась хрустящая оболочка. Внутри колбасная масса была мягкой, насквозь пропитанной жиром и острым соусом. С первого укуса вкус казался обычным, но стоило съесть первый кусок, как невольно хотелось откусить второй; а когда одна колбаска закончилась, всё равно оставалось чувство, что не наелся до конца.

— Ну как? Как? Как?

Лю Гуюй спрашивал сияющими глазами и очень ждал ответа.

Цинь Жунши помолчал, слегка отвёл взгляд и только потом кивнул:

— Вкусно.

Чэнь Саньси тоже кивнул.

Глаза Лю Гуюя блестели, и он поспешно взял с тарелки ещё два куса жареных бататовых лепёшек, тоже протянул им:

— Попробуйте ещё это!

Цинь Жунши послушно съел. На вкус тоже было очень хорошо, только есть это было не слишком красиво: острое масло даже испачкало ему подбородок. Лицо Цинь Жунши покраснело, и он тихонько отвернулся в сторону.

Лю Гуюю стало смешно, он ещё подумал про себя: этот мальчишка такой деликатный, даже смутился.

Думать-то он так думал, но всё же протянул Цинь Жунши платок. Платок был цвета осенней зелени: это был лоскут, оставшийся от одежды, которую Цуй Ланьфан шила для него, и она сшила из него платок, чтобы он мог вытирать пот, когда выходил торговать.

Цинь Жунши воспользовался им, а потом тихонько спрятал в рукав.

Цинь Баньбань тоже стояла рядом и горячо смотрела на них, взволнованно спрашивая:

— Вкусно? Вкусно?

Цинь Жунши и Чэнь Саньси оба кивнули.

Цинь Баньбань радостно вскрикнула, повернулась, обняла Лю Гуюя и стала трясти его, возбуждённо говоря:

— Брат Лю, видишь! Я же говорила, что то, что ты готовишь, обязательно вкусное!

Цинь Жунши тоже спросил:

— Это новинка, которую собираешься продавать на лотке?

Лю Гуюй кивнул, указал на оба блюда и сказал:

— Это крахмальная колбаска, а это шаке - жареная бататовая лепёшка, обе вещи - новые товары для нашего лотка. Через несколько дней найду плотника, сделаю тележку побольше, ещё закажу железную плиту, и можно будет пользоваться.

Едва он договорил, как сзади Цуй Ланьфан позвала:

— Хватит разговаривать, сперва идите есть.

В глиняном котелке был суп из крупных костей, который тушился почти целый шичэнь с лишним; его варили с бамбуковыми побегами маочжу, и от большого котла шёл мясной аромат. Весенний папоротник был самым свежим, и дома его ели каждые несколько дней. Сегодня как раз выглянуло солнце, и Цинь Баньбань с Лю Гуюем снова ходили на Сяолю копать дикую зелень и ломать бамбуковые побеги; они нарвали полную корзину корней папоротника.

Вечером приготовили две большие тарелки: одну обжарили с копчёным мясом, другую - сделали холодной закуской. Оставшуюся часть мелко нарезали, смешали с мясным фаршем и использовали для начинки в чаошоу; завтра утром как раз будут есть чаошоу, сваренные в костном бульоне.

Чэнь Саньси, поев, получил сегодняшнюю плату и ушёл, а вся семья стала вздыхать о делах их лотка.

Цуй Ланьфан с тревогой спросила:

— Гуюй, эти твои крахмальные колбаски, вкус у них и правда хороший, но делать их довольно хлопотно, ещё и железную плиту для жарки заказать надо, это ведь немалых денег стоит. Потом сможем окупить?

Цуй Ланьфан видела, как Лю Гуюй делал крахмальные колбаски: и мясо, и кишки, ещё и масла с приправами много уходило, на вид одно сплошное хлопотное дело.

Лю Гуюй как раз пил суп, и, услышав вопрос Цуй Ланьфан, улыбнулся и ответил:

— Просто на первых порах надо будет потратить немного денег. К тому же эту железную плиту я ведь не только для крахмальных колбасок буду использовать - жареные бататные лепёшки тоже на ней делать надо! Потом ещё можно будет готовить и другие свежие закуски!

— Вот взять эти бататные лепёшки: они делаются из бататной лапши, а внутрь кладутся зелёный лук, рубленая квашеная редька и юй-син-цао*. Всё это стоит недорого. А продавать я буду по три вэня за штуку, заработать можно немало! Крахмальные колбаски тоже будут брать небольшой прибылью, но большим оборотом. Такие вещи дети точно любят!

(ПП: Хауттуйния сердцевидная, трава с резким запахом, популярна в Сычуани и Юньнани.)

К тому же на этой железной плите можно будет готовить и тофу на железной плите, и жареную холодную лапшу, и обжаренную рисовую лапшу; вариантов было множество, да и сезона она не выбирала - продавать можно круглый год. Не то что фруктовые напитки, где приходится думать о сезонных фруктах, или бинфэнь, для которого зимой слишком холодно и он продаётся хуже.

Лю Гуюй тоже не делал всё, просто уткнувшись головой вперёд; он тщательно всё обдумал. Его лоток со сладостями действительно шёл неплохо, но, похоже, уже достиг своего потолка. Репутация распространилась, однако теперь появилось немало торговцев-подрателей, а среди приходящих покупателей большинство были постоянными. К тому же в основном он продавал сладости, и целевая публика была слишком узкой. А в городе ведь ещё много тех, кто любит острое, любит кислое; Лю Гуюй вовсе не хотел упускать этих потенциальных покупателей.

Он сделает тележку побольше: с одной стороны продолжит продавать сладости, чтобы удержать старых покупателей, а с другой будет продавать жареные и запечённые закуски с более насыщенным вкусом, привлекая новых.

Цуй Ланьфан на самом деле не слишком понимала дела торговли, но, слушая Лю Гуюя, чувствовала, что всё звучит вполне хорошо, и невольно успокоилась, ещё и похлопала его по тыльной стороне руки.

— Хорошо, всё будем делать, как ты скажешь. Мама знает: ты у нас способный, в будущем в нашей семье всё будет решаться тобой!

Цинь Жунши вдруг спросил:

— Если ещё и это продавать, прежней тележки уже не хватит?

Лю Гуюй поспешно ответил:

— Вот именно! Я как раз из-за этого и ломаю голову. К счастью, ты вернулся, тебе придётся помочь мне нарисовать чертёж. В голове у меня уже всё есть, просто рисую я слишком ужасно, боюсь, даже мастер-плотник не поймёт, что я там изобразил!

Цинь Жунши сразу ответил:

— Я потом нарисую.

Лю Гуюй снова сделал глоток супа, проглотил и только тогда покачал головой:

— Настолько срочно тоже не надо. Ты сегодня только вернулся, лучше хорошенько отдохни, завтра нарисуешь, тоже не поздно... Ах да, мама сшила всем в семье по две весенние одежды. Мы с Баньбань уже примерили, ты тоже сходи примерь свою.

Цуй Ланьфан, услышав это, тоже поспешно закивала:

— Верно, верно, если бы Гуюй не сказал, я бы чуть не забыла!

Говоря это, она поднялась и торопливо пошла в комнату за одеждой. Два комплекта одежды были бледно-синего цвета, одинаковые по цвету, только фасон немного различался. Один комплект был сшит как ланьшань с круглым воротом: длинная одежда с широкими рукавами, на талии подвязана белым матерчатым поясом. Другой комплект был с запахом на груди; на белом вороте вышиты два бамбуковых листа, а на талии - красная тесьма. Эту тесьму как раз сплела Цинь Баньбань: недавно она училась у Ло Цинчжу плести тесьму и узелки и уже кое-чего достигла.

К слову, Ло Цинчжу был настоящим умельцем. Вышивал искусно, тесьму и узелки плёл тоже хорошо, да и узоров знал множество! Говорили, ещё до развода он этими рукодельными умениями помогал семье с расходами, а теперь, разведясь и вернувшись домой, своё мастерство, естественно, не потерял.

Только вышивка портила глаза, и Линь Синь-нян не позволяла ему много этим заниматься, так что он лишь плёл узелки и продавал их в городские магазины.

После ужина семейным развлечением стало смотреть, как Цинь Жунши переодевается.

Одежда была одного и того же цвета, но Лю Гуюй смотрел на один комплект, и глаза у него загорались, смотрел на другой, и глаза снова загорались; в этом было какое-то волшебное удовольствие, словно он играл в «Чудо-Жунжун».

— Красиво.

— И этот комплект тоже красивый.

— Раньше как-то не замечал, а теперь присмотрелся - красный цвет очень идёт эрлану!

— Ай-я-я, чей же это такой пригожий юный господинчик? Куда это он собрался, так красиво одевшись?

Когда его стали поддразнивать прямо перед матерью и младшей сестрой, Цинь Жунши покраснел до ушей, украдкой сверкнул глазами на Лю Гуюя и снаружи грозно, а внутри робко сказал:

— Невестка! Не говори глупостей.

Лю Гуюй, получив от него такой окрик, надул губы и тут же повернулся тормозить Цуй Ланьфан за руку, обиженно бормоча:

— Мама, ты посмотри на него! Я хвалю его за пригожесть, а он ещё и сердится!

Цуй Ланьфан радовалась, когда дети играли и переругивались; ей было приятно смотреть, и теперь она тоже невольно рассмеялась:

— Эрлан на тебя не сердится, он просто чувствительный. Посмотри-ка, скажешь пару слов - и уже краснеет, совсем как большая девица.

Лучше бы она этого не говорила: стоило сказать, и лицо Цинь Жунши покраснело ещё сильнее.

— ...Мама.

Он не смел сверкнуть глазами на Цуй Ланьфан, только негромко позвал её: «мама», опустив голову, словно бедный щенок, попавший под дождь, и на вид оказался даже обиженнее, чем Лю Гуюй, который притворялся несчастным.

Цуй Ланьфан всё-таки жалела сына и больше не стала смеяться над ним. Она поднялась, потянула Цинь Жунши и повернула его кругом, осматривая сверху донизу.

Она сказала:

— Ай-я, как раз впору. Эрлан и правда быстро растёт. Я думала, вы с Баньбань сейчас в рост идёте, поэтому сшила чуть побольше, а не ожидала, что теперь сидит в самый раз.

Лю Гуюй тоже кивнул, подошёл ближе и прикинул рукой - и правда стал выше. Когда он только перенёсся сюда, разница в росте между Цинь Жунши и Цинь Баньбань на самом деле была невелика, но прошло больше полугода, и рост брата с сестрой стал отличаться всё заметнее.

Теперь Цинь Жунши доходил Лю Гуюю до уха, а Баньбань доходила Цинь Жунши до уха; когда трое вставали рядом, они были похожи на значок телефонного сигнала.

Только сигнал был не слишком хороший - всего три деления.

Лю Гуюй в душе обдумывал всякие холодные шутки и сам себя развеселил.

Цинь Баньбань тоже кружила вокруг второго брата, тянула в руках ту красную тесьму и улыбалась:

— Красиво ведь! Всё-таки это моё мастерство!

Она долго водилась с Лю Гуюем и тоже немного научилась умению самой себя нахваливать. Цинь Жунши изначально ещё притворялся, что держит лицо суровым, но в следующее мгновение из-за одной фразы Баньбань рассмеялся. Он не любил смеяться, но Баньбань ведь тоже не любила хвастаться, и Цинь Жунши, внезапно услышав такое, правда не удержался.

Лю Гуюй же не считал в этом ничего особенного, ещё и ободряюще похлопал Цинь Баньбань по плечу, похвалив:

— Ну конечно! В пределах одного чжана вокруг ты - самая выдающаяся мастерица по плетению тесьмы!

В пределах одного чжана - они ведь даже двора семьи Цинь не покинули!

Улыбка на лице Цинь Жунши стала ещё глубже, и он тоже не удержался, сказав со смехом:

— Баньбань всё это у тебя переняла.

Лю Гуюй не только не стыдился, а даже гордился и сказал:

— А что плохого в том, чтобы учиться у меня! Человек должен быть уверенным в себе! Я -

номер один в нашей семье по готовке! Наша мама - номер один по шитью одежды! Ты - номер один по учёбе! Наша семья - дом чемпионов!

Вот видите: Цинь Баньбань всё-таки усвоила лишь самую поверхность. А если говорить о толстокожести, то слово оставалось за Лю Гуюем, этим прародителем.

Цинь Жунши, опустив голову, поправлял одежду и не поднимал глаз на Лю Гуюя, только тихо сказал:

— Если говорить о готовке, ты и в городе Фушуй первый.

Эти слова были сказаны очень тихо; если прислушаться, в них будто скрывались две доли нежной привязанности и какое-то неясное, трудно выразимое чувство. Но в комнате никто этого не расслышал. Цуй Ланьфан и Цинь Баньбань вслед за ним стали поддерживать и обе сказали:

— Верно, он должен быть первым во всём городе!

Лю Гуюй же прямо сложил руки в приветствии и громко рассмеялся:

— Перехваливаете, перехваливаете.

Цинь Жунши:

— ...

Он ничего не сказал, лишь вздохнул.

*Крахмальная колбаска дянфэн-чан - это дешёвая сосиска или колбаса, в которой мясо частично или полностью заменено крахмалом.

Шаке

<http://bllate.org/book/17177/1863305>